

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Корецкий Данил Аркадьевич

Koretski@mail.ru
Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Оценка личности преступника в теории и практике

Корецкий Д.А. / Оценка личности преступника в теории и практике // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 3–20. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Аннотация:

Научные представления о личности преступника в значительно большей мере отражают воззрения учёных, изучающих эту проблему на основе теоретических источников из различных наук, чем практику, ядром которой должно служить непосредственное изучение лиц, совершивших преступления. Научный терминологический аппарат, которым активно пользуются ученые, далёк от того, которым владеют объекты исследования, в связи с чем встаёт вопрос: имеют ли теоретические концепции что-то общее с практической стороной проблемы, или исследования существуют сами по себе и отражают представления и воззрения учёных, а личность преступника существует сама по себе и пересекаются они лишь на страницах научных статей и монографий, и то однобоко? Автор даёт оценку существующим подходам к оценке личности преступника в науке и правоприменительной практике. Отмечается, что существующие научные представления о личности преступника основываются преимущественно на основе теоретических источников из различных наук (философии, социологии, уголовного права, криминологии и т.д.), при этом фактически отсутствуют работы, посвященные непосредственному изучению лиц, совершивших преступления. Подвергается критической оценке современный научный терминологический аппарат, активно используемый при характеристике личности преступника. Автор приходит к выводу, что теоретические концепции описания объекта исследования не отражают всех его существенных черт. В частности, при описании и оценке личности преступника никогда не принимаются во внимание биологические составляющие индивида. В науке отмечается смешение понятий «личность преступника», «лицо, совершившее преступление», «субъект преступления», «осужденный», что требует обязательного уточнения. Автор приходит к выводу о необходимости изменения подходов к изучению личности преступника и лиц, совершивших преступления, с целью разработки новой стратегии и тактики предупредительно-профилактической работы.

Ключевые слова:

личность преступника, биологические свойства личности преступника, «тревожный» и «неуверенный» преступник, специфические свойства личности, преступник, носитель личности преступника.

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Daniil A. Koretsky

Koretski@mail.ru
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law Southern Federal University

Assessing the Identity of the Perpetrator in Theory and Practice

Daniil A. Koretsky / Assessing the identity of the perpetrator in theory and practice // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3. P. 3–20. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Abstract:

Scientific ideas about the personality of a criminal reflect to a much greater extent the views of scientists studying this problem on the basis of theoretical sources from various sciences than the practice, the core of which should be the direct study of the perpetrators of crimes. The scientific terminological apparatus that scientists actively use is far from that possessed by the objects of research, which raises the question: do theoretical concepts have something in common with the practical side of the problem, or do studies exist by themselves and reflect the ideas and views of scientists, and the identity of the criminal exists by itself and intersect are they only on the pages of scientific articles and monographs, and then one-sidedly? The author evaluates the existing approaches to assessing the personality of a criminal in science and law enforcement practice. It is noted that the existing scientific ideas about the personality of a criminal are based mainly on the theoretical sources from various sciences (philosophy, sociology, criminal law, criminology, etc.), while there are virtually no works devoted to the direct study of persons who committed crimes. The modern scientific terminological apparatus, which is actively used in characterizing the personality of a criminal, is being critically evaluated. The author comes to the conclusion that the theoretical concepts of the description of the research object do not reflect all its essential features. In particular, the biological components of an individual are never taken into account when describing and evaluating the identity of a criminal. In science, there is a confusion of the concepts of «the personality of the criminal», «the person who committed the crime», «the subject of the crime», «convicted person», which requires mandatory clarification. The author comes to the conclusion that it is necessary to change approaches to the study of the personality of the offender and the perpetrators of crimes in order to develop a new strategy and tactics of preventive work.

Keywords:

criminal's personality, biological properties of the criminal's personality, «anxious» and «insecure» criminal, specific personality properties, criminal, carrier of the criminal's personality.

Научные представления о личности преступника складывались из разных теоретических и практических источников: философии, социологии, психологии, криминалистики, уголовного права, а практическим - деятельность по предупреждению и расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел в судах, исправлению преступников. Особую роль сыграли специальные криминологические изыскания [1].

Сложные и довольно разнообразные модели личности и структуры преступника, созданные учёными разных специальностей хороши всем кроме одного: они эволюционно и содержательно противоречивы, нередко приходится сталкиваться с упрощенчеством и формализацией, при которых прямолинейная зависимость предполагается между явлениями, связь между которыми на самом деле, является гораздо более сложной и отнюдь не линейной. Например: «Изучение лидерских способностей преступников особенно важно для сферы борьбы с организованной преступностью» [1, с. 139].

А главное, теоретические заключения исследователей не корреспондируют с представлениями о самих лицах, совершающих преступления. Больше того, изучаемые вряд ли разберутся в сути различных высказанных концепций о своей личности, и едва ли согласятся с ними. Во всяком случае, в беседах с этим контингентом, сложные умозаключения, дискуссионные формулировки и замысловатые объяснения учёных их собственной сути, практически не фигурируют из-за их наукообразности, во многом надуманности, и расположенности далеко от подлинных чувств, которые они испытывали и мотивов, которые ими, на самом деле, руководили при совершении преступлений, а также до и после него. Научный терминологический аппарат, которым активно пользуются исследователи, далёк от того, которым владеют объекты исследования, в связи с чем встаёт вопрос: имеют ли теоретические концепции что-то общее с практической стороной проблемы, или исследования существуют сами по себе и отражают представления и воззрения учёных, а личность преступника существует сама по себе и пересекаются они лишь на страницах научных статей и монографий?

Иными словами, учение (или учения) о личности преступника отражает представление «чистых» теоретиков о предмете исследования, либо мнение практических работников полиции, следственных органов и ФСИН о лицах, с которыми им приходится иметь дело по службе. При этом, учёные в большинстве своём не знают практических сторон проблемы не только в мире, но и в нашей стране. Интересно, что за последние годы только один криминолог изучал не зарубежные монографии (что тоже неплохо), а бандитские фавелы Рио-де-Жанейро, разностороннюю цыганскую жизнь в Одессе, закоулки Макао, суд в Гонконге, тюрьму Пинеярос II в Сан-Паулу [2, с. 13-18; 35-45; 57-59; 91-93]. Хочется думать, что это только первый шаг в современной криминологии, и он внушает надежды.

Сотрудники правоохранительных органов далеки от теории, а личности изучаемых дистанцированы от теоретиков и практиков или чисто физически, или ментально, так как научные работники по ряду причин, в том числе и объективных, общаются с ними всё реже и всё поверхностней, а представители официальных структур, контактируя с ними, решают задачи, далёкие от научных, но связанные с дальнейшей судьбой обвиняемых или осуждённых, что не способствует откровенности и сближению сторон.

В 60-е годы прошлого века, когда советская криминология заново возродилась, она старательно уходила от изучения личностных свойств преступника, хотя вроде бы их и признавала, но исключительно на индивидуальном уровне конкретного человека, как следствие неблагоприятно сложившегося для него процесса нравственного развития, определяемого воздействием социума, и ка-

тегорически отрицая при этом возможность каких-либо обобщений: «Опираясь на психологические данные одного человека, делать в криминологии выводы и обобщения в отношении другого (а следовательно, разрабатывать на этой основе какие-то «общие» мероприятия) - занятие антинаучное» [3, с. 138]. Из такого подхода вытекала «антинаучность» учения о личности преступника: «... изучение общественно-индивидуального лица преступников необходимо и не имеет ничего общего с “выявлением” психофизиологических черт, якобы присущих всем преступникам данной категории» [3, с. 135], а всё внимание концентрировалось на отдельных фигурантах: почему один человек в определённых условиях совершает преступление, а другой в таких же условиях преступление не совершает, какие «социальные тормоза» действовали у второго, и почему они оказались слабыми у первого [3, с. 139]?

При этом игнорировалось (и игнорируется до сих пор), что один и тот же человек в одних и тех же условиях может поступить (и нередко поступает) совершенно противоположным образом, доказывая, что никаких надежных «социальных тормозов» не существует даже в рамках личности одного индивида, либо они не всегда включаются! И что совершенное преступление является следствием сложного взаимодействия его личностных свойств, находящихся в нестабильном состоянии под влиянием внешнего воздействия или глубоких внутренних переживаний. Хотя, в принципе, такое понимание появилось, когда от господства социологизации в советской криминологии, были сделаны шаги к изучению собственно индивида, структуру личности которого наделили тремя основными подсистемами: социальный статус, социальные функции и нравственно-психологические характеристики [4, с. 87]. Причём было признано, что основные компоненты, например, социально-демографические, мировоззренческие, интеллектуальные являются общими, характерными для всех людей – как совершенно законопослушных, так и правонарушителей, а специфические, уголовно-правовые признаки, характерны именно и только для преступников [5, с. 104-107], [6, с.83-86], [7, с. 104-107].

Проще всего, естественно, изучать общие для всех *homo sapiens* признаки: пол, возраст, образование, место работы, тип темперамента и т.п. Они являются очевидными, как правило, не скрываются, к тому же, отражены в ряде документов. Если отобрать для изучения группу лиц, совершивших преступления, то можно довольно быстро интегрировать эти данные, классифицировать их по различным показателям, ранжировать и установить, что мужчины количественно преобладают над женщинами, лица совершающие экономические преступления старше и образованнее карманных воров, грабителей и разбойников и т.д., и т.п.

Эти результаты, несомненно, представляют интерес для криминологии, но они являются вторичными, так как названные признаки сами по себе не обуславливают совершения преступлений и не приводят в действие механизм преступного поведения. Когда выделяются наиболее распространённые по возрасту группы осуждённых, то совершенно очевидно, что вовсе не число прожитых лет определяет преобладание молодёжи среди насильственных преступников, либо зрелых людей среди взяточников, а объективные и субъективные возможности, которые присущи той или иной возрастной категории. Таким образом, нельзя считать, что какая-либо возрастная, социальная или гендерная группа определяет характер совершаемых её членами преступлений. То же самое касается и негативных социально-психологических черт того или иного лица - агрессивности, жадности, недостаточного уровня культуры, низкого порога мотивации и т.д., ибо они тоже далеко не всегда, а опираясь на соотношение статистических величин - довольно редко, выступают в качестве побудительного мотива престу-

пленя среди общего числа их носителей. Встречаются демонстративно-щедрые воры и законопослушные скупцы, делающие невыносимой жизнь членов семьи; наряду с агрессивными опасными преступниками, мы знаем сотрудников правоохранительных органов, использующих собственную агрессию для нейтрализации бандитов; вопреки классической схеме распределения гендерных ролей в бытовых преступлениях, приходилось сталкиваться с их зеркальным отражением: в роли семейного дебошира выступала пьяница-жена, работавшая грузчиком, избивавшая смиренного и безответного мужа и убившая его в конце концов ударом кухонного ножа.

Поэтому встаёт вопрос: а могут ли вообще существовать социально-психологические качества личности, изначально играющие криминогенную роль в её поведении? Иными словами: обладает ли социальное существо антисоциальными личностными свойствами, в частности, негативной мотивацией, определяющей его преступное поведение или побуждающей к нему [8, с. 37-38]? Этот вопрос решают по-разному, но представляется убедительной позиция, что «сам по себе мотив, как внутреннее побуждение не является чем-то преступным, он становится таковым, лишь когда выступает элементом субъективной стороны запрещенного уголовным законом деяния» [10, с. 40]. Следует отметить, что в своё время по этому поводу было сформировано куда более оптимистически-комплиментарное мнение, согласно которому «в социалистическом обществе сформировался и является господствующим новый тип личности – советский человек. Это – гармонично развитая, общественно активная личность, сочетающая в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство [8, с. 87]. Впрочем, далее авторы оговаривались, что не все граждане страны уже сейчас могут быть признаны носителями свойств такого типа – некоторые нарушают уголовный закон, «когда причиной преступления выступают социально-значимые отрицательные свойства личности (общественная опасность) в определённой жизненной ситуации» [8, с. 88].

Надо отметить очевидный факт: общественная опасность личности и общественная опасность, как свойство личности – суть разные вещи. И такого самостоятельного признака, как «общественная опасность» не существует ни в одной из признаваемых подсистем личности, поэтому вопрос о том, какие же именно отрицательные личностные качества ответственны за общественно опасные действия индивида, в столь победоносной трактовке остался открытым. Надо сказать, что и сейчас, треть века спустя, четких ответов на этот вопрос очень мало, если они вообще имеются. В их числе называют психические аномалии, нарушения социальной адаптации, антиобщественные взгляды и ориентации, отчуждение от общества и его ценностей [1, с. 136-137] и тому подобные черты, которые носят чрезмерно общий характер и годятся скорее для научно-теоретических объяснений, чем для реально-прикладной деятельности. И сами сторонники данной позиции признают совершение неожиданных для данного субъекта преступлений, резко выходящих за рамки его обычного поведения и вроде, ничем не мотивированных, но тут же объясняют, что это лишь внешнее впечатление, а в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить закономерности преступного поведения. При этом авторы предостерегают от устранения в ходе воспитательно-профилактического воздействия негативных психологических черт преступника, например, агрессивности, так как это может привести к разрушению личности и психическим расстройствам [1, с. 137-138].

Насколько в действительности возможно столь глубокое проникновение в психологию субъекта, сказать трудно. Правда, когда подобное «зондирование» проводится в отношении лица, уже совершившего преступление и «стигмати-

зированной» как преступник, то найти или «найти» у него негативные характеристики гораздо проще, чем у профилируемого гражданина, не проявившего себя в качестве такового. А уж такие строго избирательные «ментальные операции» во внутреннем мире лица, совершившего преступление, как щадяще-умеренное ограничение агрессивности, можно представить только в фантастических фильмах.

Во многом, проблемы, возникающие при изучении личности преступника, вызваны полным отторжением в свое время биологической составляющей человека: «личность изучается не как некий индивид, якобы обладающий определёнными задатками и предрасположенностью к совершению преступлений, не как комплекс физиологических и психологических качеств, являющихся «внутренними причинами преступности», якобы присущими человеку, а как член общества, живущий в обществе, среди людей...» [3, с. 133-134]. И хотя сейчас криминогенное воздействие биологических свойств личности признаётся в качестве возможного условия преступления, но делается это достаточно осторожно и с искусственными ограничениями. Теория хромосомной аномалии в российской криминологии фактически осталась неизученной (неизвестно, изучалась ли она на серьёзном уровне отечественной психиатрией), гормональные всплески у виновных, предшествующие тяжким насильственным и половым преступлениям, самоубийствам, остаются без внимания, так же, как неадекватные вспышки агрессии, связанные с вызывающе-дерзким угрожающим поведением конкретным лицам или всем, находящимся вокруг.

Так, недавно 19 - летний воронежец Денис Баронин осуждён на 8 лет за убийство 52-летнего мужчины, отказавшегося дать ему закурить, а также за нанесение ударов в голову кулаками и стеклянной бутылкой 35-летнему гражданину, который пытался заступиться за жертву. Ранее, в 2020 году он был осуждён к 3 годам условно за беспричинное избиение тридцатилетнего мужчины в результате которого хирурги провели потерпевшему трепанацию черепа. В том же двадцатом году Баронин нарушил условия домашнего ареста и снова избил на улице 24-летнего местного жителя и его подругу. В ходе следствия выяснилось, что Баронин с 15 лет избивал бездомных и сверстников, фиксируя это на телефон и выкладывая в соцсетях¹.

Между тем, ряд биофизиологических дефектов личности, не являясь криминогенным сам по себе, оказавшись в социальной среде, где эти дефекты не принимаются с пониманием и сочувствием, а напротив – вызывают негативное отношение к их носителю, насмешки, издевательства, снижение социального статуса и, как следствие, определяют предпреступное, поведение, которое своевременно не пресекаясь, обуславливает преступление. Низкий уровень интеллектуального развития порождает плохую успеваемость в школе, выбор социального окружения из числа таких же «отверженных», ответное неприятие позитивной социальной среды и протестного избрание несвойственных ей форм предкриминального и криминального поведения, которым создаётся видимость компенсации низкого уровня собственного развития и стратификации. Низкий уровень образования обуславливает низкий уровень доходов, отсюда внешний вид, привычки, манеры, компания, соответствующее проведение досуга, которое позитивным обществом не одобряется, правонарушения, - всё это усиливает разобщение позитивных и негативных страт, причём вопреки устойчивому представлению, объясняется это в первую очередь всё же биологическими факторами, которые, надо признать, не корректируются в должной степени социу-

1 <http://bloknot-voronezh.ru>

мом. Огрублённый уровень физиологических и психологических потребностей маргинальной личности, определяет её дальнейшую жизнь. В частности, лица такого типа легче приспосабливаются к условиям содержания в СИЗО и ИК, без кризисов и стрессовых ситуаций переносят высокую скученность в камере, сырость, недостаток воздуха, из-за которых трудно зажечь спичку, низкое качество еды, обстановку постоянной опасности со стороны сокамерников...

Развитый человек с иным уровнем потребностей и привычек, оказавшись в такой обстановке, скорее всего покончит с собой или опустится на самое дно социальной стратификации и довольно быстро погибнет. А маргинал – носитель интеллектуальных и психофизиологических дефектов, напротив – чувствует себя вполне удовлетворительно и может, при благоприятном стечении обстоятельств, подняться вверх по иерархической лестнице и стать уважаемым членом криминального сообщества, которое успешно заменило ему позитивную социальную среду. И, как ни горько признавать, обусловлено это, в первую очередь, биологическими, а не социальными факторами. Обходятся молчанием вместо обычно пространных научных объяснений, столь же отвратительные, сколь и красноречивые факты: половые перверсии, садизм и каннибализм в криминальной среде. Наверное, потому, что труднее (если вообще возможно) объяснить, будто они определяются «обществом в целом, определяемым присущими данному строю способом производства, социальной структурой, укладом жизни...» [3, с. 151] и так далее.

Надо сказать, что зачастую, сложившиеся в криминологической теории стереотипы далеки от реальности, либо слишком однозначны и отражают лишь отдельные черты из совокупности множества взаимодействующих в генезисе преступного поведения факторов. Таково, например, широко распространенное представление об обратной зависимости между уровнем образования и преступностью. Однако, как совершенно правильно заметил Я.И. Гишинский, это верно лишь для «общеуголовных» преступлений, а для «беловоротничковой» преступности наоборот – существует прямая зависимость, причём роль образовательного фактора опосредуется принадлежностью к тому или иному классу (страте) [10, с. 89]. Далее Я.И. Гишинский отмечает: «В целом «антикриминогенным» фактором выступает наличие семьи, хотя для так называемого семейного насилия именно конфликтные семейные отношения провоцируют преступления». Но зачастую подобные уточнения остаются за пределами внимания исследователя, и выводы остаются огрублёнными, что вызывает противоречия в их толковании.

Бывает, что криминологи, идя по пути психиатров, философов и писателей, приписывают преступникам несвойственные им чувства и мотивы, включая сюда фрейдистские подсознательные комплексы, например, феномен «отчуждения» [11, с. 8]. На самом деле, сложные психологические теории не пересекаются с повседневной практикой, где объяснения преступных действий часто кроются в отсутствии каких-либо объяснений, кроме самых примитивных. При опросах исполнителей преступлений они не ссылались на те комплексы и мотивы, которые им иногда приписывают, больше того – они даже не могли думать о них, ибо ничего о фрейдистских теориях не знали и не владели словарно-терминологическим аппаратом, в который могли бы эти мысли облечь, если бы таковые даже появились, и они желали их изложить. Разъяснения уважаемых авторов, что мотивация, неосознаваемая деятелями, могла руководить ими на подсознательном уровне, вряд ли могут быть признаны удовлетворительными, ибо внесознательные психические процессы личностью не управляются, а значит в этом случае отсутствует свобода воли и, как следствие – состав преступления.

Ставшая широко известной благодаря классической литературе теория

возможности убийства необыкновенным человеком человека обыкновенного – «тварь я дрожащая или право имею»; над которой мучился Раскольников в знаменитом романе Достоевского - на самом деле гениальный литературный вымысел писателя: описываемые им сложные философские и нравственные проблемы не пришли бы в голову недоучившемуся студенту с психопатическими чертами личности, а само описанное деяние основано не на реализованной в конце концов идее превосходства одного человека над другим, а весьма характерно для плохо продуманной реализации банального корыстного замысла. Надо сказать, что в реальной жизни подобные преступления, увы, не уникальны, напротив – они характерны для наркоманов, которые, беспокойно мечась между реальностью и бредом, совершают ужасающие и лишённые рациональности злодеяния.

Наряду со спорными, в связи со сложностью изучения, толкованиями мотивации лиц, совершающих преступления, приходится встречаться и с такими утверждениями, касающимися личности преступника, которые явно противоречат реальности. Например: «Преступник - это личность со значительно более высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности, отчужденности от общественных ценностей и полезного общения» [12, с. 80].

Откуда в криминологической теории появилось совершенно не соответствующее действительности, и даже противоречащее ей, представление о «повышенной тревожности и неуверенности в себе», якобы свойственных преступникам? И как эти свойства мирно уживаются в том же определении со своими антонимами - импульсивностью и агрессивностью?

Под тревожностью авторы понимают страх небытия, несуществования: страх смерти и постоянное беспокойство и неуверенность. Это некий симбиоз фрейдизма с элементами экзистенциализма, причём на такие комплексы ни один из интервьюируемых преступников не жаловался, и даже о них не подозревал. В подтверждение своей концепции, учёные в качестве примера, приводят дело 27-летнего Д., который «у входа в кинотеатр убил несовершеннолетнего. Д. пояснил, что потерпевший сказал что-то обидное о нём, что именно, он не знал. Само это объяснение говорит о повышенной тревожности убийцы (?? Д.К.) К тому же он всё время носил с собой нож и однажды ударил им в спину человека, который, по его мнению, оскорбил его.

Подобная трактовка «повышенной тревожности» абсолютно непонятна. Психофизиология совершения преступления (преодоление моральных запретов; страха перед нарушением закона, сопротивлением потерпевшего, иных лиц и представителей власти; готовность проявлять жестокость и причинять вред другим людям; невозможность воздействия стрессовой ситуации; преодоление тревоги перед разоблачением и др.) во многом совпадают с психофизиологией рискованных действий в опасных профессиях и занятиях – прыжки с парашютом, альпинизм, тушение пожара и т.д. [13, с. 36-42]. Вполне понятно, что человек страдающий повышенной тревожностью и неуверенностью в себе, не занимается деятельностью, связанной с риском, а именно таким видом деятельности является совершение преступлений!

Известная в Ростове н/Д банда «Фантомасов» среди бела дня, в меньшинстве, совершала нападения на магазины, вооружённых кассиров и инкассаторов, неоднократно им приходилось вступать в перестрелки, в которых Г. несколько раз получал ранения, подорвавшие его «боевой дух», а С. был убит. Банда Билыков использовала в преступной деятельности автоматы, совершила несколько убийств, в том числе застрелила в перестрелке двух инспекторов ДПС ГИБДД, С-й так же

был убит при задержании. Банды Османова и Сажина, вооружённые автоматическим оружием, неоднократно открывали огонь на улицах городов, а однажды расстреляли большую компанию на банкете в одном из ресторанов Северного Кавказа. Разве эти несколько случаев, из длинного ряда аналогичных, свидетельствуют о «тревожности и неуверенности» бандитов? Напротив, в период их действий тревожность и неуверенность испытывали законопослушные граждане, особенно – кассиры, инкассаторы, работники милиции, водители... Маниакальные убийцы Чикатило, Цюман, Головкин (Фишер) держали в страхе целые города и регионы, а банда «ГТА» практически парализовала ночное движение на шоссе М-4! Несовершеннолетнего Баронина боялись жители Воронежа...

Анализируя недостатки теоретических изучений личности преступника, нельзя оставлять без внимания практическую сторону вопроса. Что думают о себе те, кого называют преступниками и чьи личности мы изучаем? Надо сказать, что сами они, как правило, отрицают наличие даже глубоко скрытых негативных качеств, причём при условиях, когда такое признание не повлечёт никаких негативных последствий. Автор многократно проводил неформализованные интервью с обвиняемыми по расследуемым им делам, с лицами, содержащимися в ИК, или ранее отбывавшими наказание, а также с лицами не судимыми, но занимающимися «теневой» коммерческой деятельностью, о которой хорошо известно широкому кругу лиц. Для этой категории граждан журналисты придумали обтекаемый эвфемизм «авторитетные бизнесмены». Все респонденты, кроме одной категории, о которой пойдёт речь ниже, добровольно и довольно охотно соглашались побеседовать на темы, представляющие криминологический интерес. С достаточной долей приближенности их можно разбить на несколько групп.

1.«Стигматизированные» лица составляли наиболее многочисленную группу, в основном, они совершали общеуголовные преступления небольшой, средней тяжести, реже - тяжкие. Экономических преступников было заметно меньше. Как правило, все они не могли детально объяснить причины и условия совершенного эксцесса, механизм и мотивацию своих действий, наличие или отсутствие пресловутых «социальных тормозов» и, сложности их преодоления, если таковые все-таки имелись. Больше того, воспоминания на эту тему угнетали и «копаться» в них они не хотели, даже при первоначальном желании и готовности помочь исследованию. Как правило, они либо оправдывали, либо находили смягчающие обстоятельства своим действиям. Они не считали себя скованными обязанностью соблюдать закон и считали его абстрактной категорией. Распространена среди них и среди «уголовных» типов из 3-й группы интервьюируемых поговорка: «Ништяк, в тюрьме тоже жить можно!» Никто из респондентов, признавая совершённое преступление, не считал, что обладает какими-то особыми чертами, свойственными преступникам и не относил себя к таковым. Никакими философскими, криминологическими, психологическими и тому подобными терминами, либо концепциями этих наук они не пользовались, объясняя свои действия простыми и доступными словами. И в этом смысле они не являются исключением.

Так, совсем недавно в СМИ прошла информация о том, как вполне положительный пенсионер, гуляя с собакой, убил ножом напавшего на своего беспородного питомца бойцовского пса, а затем и его хозяина, который повторил нападение уже на пожилого человека. На видеозаписи пенсионер рассказывал о происшедшем буднично и вполне откровенно, жалея о случившемся и объясняя тяжкие последствия непредвиденным расхождением между умыслом и наступившими результатами, а также тем, что защищал от нападения вначале свою

собаку, а потом самого себя. Элементы обороны, в общем-то, действительно имели место, хотя вряд ли будут учтены при квалификации содеянного. Надо сказать, что симпатии комментаторов этой истории были на стороне пенсионера, и преступником его основная масса откликнувшихся не считает, напротив, ему выражают сочувствие, как жертве сложившихся обстоятельств.

Еще в большей степени тенденция самооправдания проявлялась у экономических преступников. Защитительными аргументами в данных случаях являются следующие: «я же никого не убил и не ограбил», «другие больше воруют», «на моём месте любой бы пользовался возможностью», «они сами навязывали взятки». При этом обвиняемые строго разделяют правовую и моральную стороны своих деяний: дескать, я совершил то, что законом запрещено, но я порядочный человек... Когда автор, будучи молодым следователем, попробовал воплотить совершенно нежизнеспособный тезис, которому учили в вузе, и уже в ходе следствия начал процесс «исправления и перевоспитания», пристыдив руководителя районного масштаба за неоднократное получение взяток, его морализаторство вызвало резкую отторгающую реакцию обвиняемого и возмущённую отповедь по типу «кто я, и кто ты!» Вторжение в сферу морали оказалось для взяточника более болезненным, чем серьёзные обвинения, а «сохранить лицо» приличного человека было важнее, чем признаваться в преступлениях. Кстати, вскоре после этого инцидента обвиняемый отказался от ранее даваемых признательных показаний. И хотя это не избавило его от приговора к двенадцати годам лишения свободы с конфискацией имущества и лишением орденов и медалей, стало совершенно ясно, что не стоит переходить бездушную границу сухих уголовно-правовых норм и вторгаться в чувствительную сферу моральных самооценок.

2. «Авторитетные бизнесмены». В беседах с этой группой приходилось быть ещё более щепетильным и деликатным: уже не только они сами себя не считают преступниками, но и государственные структуры, и их окружение - соседи, прислуга, знакомые, деловые партнеры. Для широкой общественности они уважаемые люди, которые часто выступают в качестве спонсоров, руководителей или активистов спортивных, или иных общественных движений и организаций.

К тому же, называть их преступниками, или считать таковыми нет оснований в силу того, что отсутствуют какие-либо официальные документы, которые бы этот их статус подтверждали. Строго говоря, таких документов и быть не может, ибо «преступник» - это категория неправовая, хотя такой термин и употребляется несколько раз в Уголовном кодексе. Поэтому респонденты этой группы обоснованно презюмируют себя вполне законопослушными гражданами и свободно рассказывают о своей работе, точнее, о своём бизнесе. Сейчас слово «бизнес» приобрело весьма широкий и неоднозначный смысл - в изучаемой среде под ним понимают извлечение дохода из любого вида деятельности. При разговоре с человеком не своего круга, явно криминальные аспекты такого «заработка» обходятся стороной.

Рассказывают, например, о торговле водкой, компьютерами или мебелью, но подробности об акцизах, налогах, пошлинах и других немаловажных деталях обходятся стороной, так что звучат эти рассказы вполне безобидно, тем более, что откуда берётся водка, договоренности с контролирующими органами и борьба с конкурентами остаются «за кадром». Просто подразумевается, что они ведут бизнес по-своему и «умеют решать вопросы». Как именно, они не рассказывают, интерес к этому выходит за пределы негласной договоренности и за рамки молчаливо соблюдаемого «приличия», поэтому в атмосфере беседы витает некоторый флёр недоговорённости. Хотя некоторые фразы случайно прорывают дымовую завесу умолчаний. Как-то сидящий за столом «бизнесмен» вроде меж-

ду делом сказал: «Мне недавно привезли 40 килограммов золота из Турции...». Кто-то из его сотоварищей отреагировал на хвостовство, и с усмешкой спросил: «А почему так мало?». Тот подначки не понял и стал оправдываться: «Да и больше привозили - один раз даже 50...». Можно понимать эти реплики как угодно, но становится ясно, что рассказчик занимается не самым чистым и прозрачным бизнесом на свете...

Люди из этой группы стараются произвести благоприятное впечатление, держатся в рамках приличия, избегают обценной лексики, с удовольствием рассказывают о своей благотворительной деятельности, о перевоспитании малолетнего карманника, об обучении справедливости молодых людей, «делающих с них жизнь».

О каких-либо острых элементах своего «бизнеса» респонденты, обычно, не упоминают, но один из них, бывший сотрудник милиции, перешедший «на другую сторону баррикад», однажды нарушил это правило, и подробно рассказал, как его «бригада» отжимала игорный бизнес, вытесняя конкурентов из одного курортного города. Рассказ был безусловно интересным и довольно откровенным, хотя и без тех подробностей, которые могли бы лечь в основу постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

«Авторитетные бизнесмены» очень уверены в себе, чувствуется, что у них нет внутренних запретов и ограничений и они осознают свой действительный или мнимый высокий статус. Недаром в этой среде существует понятие «сделать по-любому», то есть добиться цели не останавливаясь ни перед чем. Вместе с тем, на словах от преступников они дистанцируются, уголовной ответственности не опасаются и в возможность её наступления слабо верят, в отличие от первой группы «стигматизированных» лиц. Это объясняется, с одной стороны, наличием у «авторитетных бизнесменов» более высокого уровня защиты, а с другой - длительным опытом предполагаемой незаконной деятельности, позволившей сформироваться и закрепиться устойчивой психолого-социальной установке на определенный тип противоправного поведения.

3. «Уголовный тип». Ещё одна группа, которая в меньшей степени была охвачена неформализованным интервьюированием – это преступники «старой волны» - лица, неоднократно судимые за разные, преимущественно общеуголовные преступления, исповедующие традиционные «законы» и обычаи криминальной среды, носители криминальной субкультуры, владеющие жаргоном, наносящие себе татуировки, имеющие информативно-биографическое и статусное значение, которое в последнее время постепенно утрачивается.

Являясь маргинализованной социальной группой, они не имели связей с органами власти и милицией, соблюдали кастовость и закрытость своей среды. Не имея «крыши», они знали, что за совершённые преступления придётся отвечать и были готовы к многолетним срокам лишения свободы. Это так называемая «воровская» ветвь преступного мира – «синие», которых так называли из-за обилия татуировок. Долгое время они являлись основной, и даже единственной криминальной общностью в стране.

Социально-политические преобразования 90-х годов изменили обстановку и в криминальном мире: туда пришли преступники «новой волны» – крепкие, несудимые молодые парни, которые стали конкурировать с «воровской» ветвью. Они получили название «спортсменов», «рзкетиров», «бандитов», причём эти обозначения носили не буквальный, а номинальный характер. После периода тренировок «синие» и «спортсмены», или «воры» и «бандиты» нашли общий язык и стали сосуществовать не мешая друг другу, при этом обе стороны трансформировались, приспособившись к новым условиям. Ветвь «бандитов» частично

трансформировалась в «авторитетных бизнесменов», «воры» в новых условиях постепенно обзавелись коррумпированными связями, вошли во многие социальные структуры - банковскую, страховую сферы, некоторые удалили татуировки и приобрели цивильный имидж. Но сохранили закрытость, неприязнь к сотрудникам правоохранительных органов и подчинённость, хотя и в ослабленной степени, воровскому «закону».

Рассказывать о жизни своего сообщества они, как правило, избегают. Впрочем, из этого правила, как и из любого, есть исключения. При редких контактах за пределами своего круга общения, «синие» открыто позиционируют себя, как «бродяг», то есть живущих вне государства, по своим «законам» из-за стремления к «справедливости», которая, якобы, существует в их среде. В силу указанных причин и откровенной обоюдной неприязни сторон, проводить интервьюирование этих лиц довольно затруднительно. Хотя по некоторым косвенным признакам и по отдельным задокументированным случаям, можно сделать выводы об их жизненных установках.

В этом отношении представляет интерес следующее уголовное дело. Двое молодых людей, ранее привлекавшихся к административной ответственности за мелкое хулиганство, пристали на улице к двум женщинам, одна из которых находилась в состоянии беременности. Идущие следом их спутники - взрослые мужчины, приблизившись, сделали назойливым парням замечание, послужившее поводом для словесного конфликта, в ходе которого один из хулиганов назвал своего оппонента «козлом».

Казалось бы несерьёзная детская «дразнилка» не может резко усугубить обстановку, но она повлекла отнюдь не детские последствия: мужчина извлёк небольшой перочинный нож и ударом в голову (!) на месте убил молодого человека. Такое поведение, и необычный способ убийства имели своё объяснение: мужчина оказался особо опасным рецидивистом, более десяти лет отбывшим в местах лишения свободы, где слово «козёл» является тяжким оскорблением. Осуждённый, не смывший такое оскорбление, считается согласившимся с ним, то есть признавшим его справедливость, а следовательно, теряет свой статус и опускается почти в самый низ криминальной иерархии. Не согласившийся стать «козлом» мужчина был привлечён к уголовной ответственности по ст. 102 п. «л» действовавшего в то время УК РСФСР - за умышленное убийство, совершённое особо опасным рецидивистом. Однако, суд учёл, что он хорошо характеризовался в местах лишения свободы, после освобождения устроился на работу, где тоже зарекомендовал себя положительно, создал семью, убийство совершил пресекая хулиганские действия потерпевшего и защищая свою беременную жену, а потому исключил этот признак из состава совершенного преступления, как не играющий роли отягчающего обстоятельства. В результате виновный был осуждён по статье 103 УК РСФСР за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

Данный пример представляет интерес как при анализе механизма преступного поведения, так и при оценке судом совершённого деяния. Суд исходил из того, что отрицательные качества, свойственные личности особо опасного рецидивиста, не были проявлены виновным, который действовал при извинительных обстоятельствах, вызванных явно неправомерным поведением потерпевшего. И действительно, оценка субъекта, объективной и субъективной стороны преступления вполне позволяла сделать подобный вывод. Однако, если анализировать глубинные свойства личности профессионального преступника, которым особо опасный рецидивист несомненно является, то можно прийти к противоположному заключению.

Ведь решающим фактором совершённого убийства явилась укоренившаяся

в представлениях данного лица необходимость соблюдать «законы» и обычаи криминальной среды, знание этих «законов» и обычаев и обязанность действовать в соответствии с их предписаниями. Если бы на месте особо опасного рецидивиста оказался человек, ранее не судимый, или судимый, но не живущий по криминальным «законам», тем более находясь вне колонии, за пределами влияния концентрированной преступной среды, то убийства, скорей всего бы не произошло, больше того, возможно, он сам стал бы жертвой молодых хулиганов!

Таким образом, ни «тревожность», ни «неуверенность в себе» не имели никакого отношения к детерминационному комплексу этого преступления - именно личностные свойства особо опасного рецидивиста сыграли в механизме данного убийства решающую роль. Точно так же, в приведённом ранее примере, 27-летний Д., который постоянно носил с собой нож и без реального повода ранил одного потерпевшего и убил второго, проявил особую «блатную» дерзость, вызов обществу, запредельную браваду, чувство превосходства над жертвами и свидетелями, разнузданную вседозволенность, желание внушать страх окружающим, и тому подобные, далёкие от тревожности и неуверенности в себе, мотивы опасного преступника, живущего по криминальным законам. Но эти нюансы остались за пределами внимания суда, тем более что судьи, как правило, вообще не осведомлены о подобных нюансах традиций уголовного мира. Иными словами, в описанных ситуациях произошла коллизия установленных предварительным и судебным следствием процессуально закреплённых доказательств преступления, и неформализованных мотивов, играющих определяющую роль, но не нашедших отражения в материалах дела.

За пределами приведённого исследования, по понятным причинам, остались маньяки-убийцы, экономические преступники высокого уровня, члены оргпреступных группировок и некоторые другие. Интересная информация была получена от сотрудников, которые работали с первой из перечисленных категорий лиц: находясь в камерах смертников, те раскаивались, обращались к Библии, очень вежливо держались с персоналом тюрьмы, некоторые писали стихи и пробовали рисовать. Принятие моратория на смертную казнь всё мгновенно изменило: надуманные «облагораживающие» занятия были демонстративно отброшены и они вновь стали безжалостными убийцами. И тут есть над чем подумать!

Но хотя опросом удалось охватить не все категории преступников, из приведённых данных всё же вытекает вопрос: насколько в изменившихся более чем за полвека (если не за век) условиях, понятие «личность преступника» отвечает вкладываемому в него смыслу?

Несмотря на обилие научных работ по данной теме, нельзя сказать, что все аспекты рассматриваемого понятия изучены полностью. Даже момент «рождения» категории «личность преступника» классики криминологии определяют по-разному.

А.Б. Сахаров считал, что криминогенные свойства, характеризующие личность преступника, существуют до преступления и обуславливают его совершение, но признание конкретного лица преступником возможно только после и в связи с совершением им преступления [14, С. 234].

Большинство же авторов связывают активацию личности преступника с моментом совершения преступления, причем это понятие отождествляется с актором криминального деяния.

В известной степени, сложности, связанные с криминологическим понятием «личность преступника» вызваны тем, что оно иногда сливается или синонимизируется с социологическим и философским понятием «личность», теорети-

ко-уголовноправовыми понятиями «субъект преступления» и «лицо, совершившее преступление», уголовно-процессуальными «виновный», «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», пенитенциарным – «осужденный», широко употребляемым в обыденной жизни понятием «преступник», которое четырежды встречается в Уголовном кодексе РФ, но не в определяющем, а назывном смысле, то есть собственного правового определения не имеет. Так, в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» использован хотя и похожий, но по сути другой термин с совершенно иной содержательной нагрузкой, под ним понимаются «главные военные преступники, европейских стран оси, осуждённые приговором Международного военного трибунала». В ч.5 статьи 33 УК «Виды соучастников преступления», примечании 1.1 к ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», примечании 2 к ст.281.1 «Содействие диверсионной деятельности», преступником, судя по смыслу, называется лицо, совершившее преступление, которому оказывается пособничество. Подобной синонимизацией придаётся видимость легализации слову «преступник», как тождественному правовому термину «лицо, совершившее преступление». В действительности, естественно, никакой «легализации» не происходит, просто правовой термин в кодифицированном законе подменяется неправовым, что только затрудняет возможности четкой дифференциации уголовно-правовых терминов. Аналогично обстоит дело с альтернативным употреблением терминов «личность преступника» и «преступник», которые на самом деле столь же не идентичны, сколь понятия «личность» и «человек».

Если придерживаться определения А.Б. Сахарова и «разводить» необоснованно отождествляемые понятия, то получается, что уже сформированная личность преступника и обуславливает совершение преступления, а не активируется (рождается) в момент его совершения. Но тогда правильней говорить не о появившейся после криминального акта «личности преступника», а о «преступнике», для чего это понятие следует закрепить в законе, ибо именно правовая, а не криминологическая категория должна обозначать» лицо, совершившее преступление (преступника)».

Ведь вовсе не личность преступника - теоретическая категория, не включённая в уголовный закон, - обуславливает уголовную ответственность, а факт совершения деятелем уголовно-запрещённого деяния, при этом тот комплекс свойств и качеств, которые образуют в нынешнем понимании личность преступника, у него может и отсутствовать [13, с. 38].

Не только момент активации личности преступника вызывает вопросы, но и момент её исчезновения (деактивации), который чаще всего либо вообще обходится молчанием, либо связывается с моментом отбытия наказания за совершенное преступление, что вызывает обоснованные сомнения. Каким образом биологические и социальные свойства личности человека, приобретенные за много лет под воздействием наследственности, социума, индивидуальных биологических, соматических особенностей организма, психики, психологии и конкретной жизненной ситуации, могут «рассосаться» за период отбытия даже столь сурового наказания, как лишение свободы? Существуют ли сроки нейтрализации этих качеств? И может ли приговор суда точно соответствовать этим срокам?

Правда, некоторые учёные считают тождественными понятия «личность преступника» и «субъект преступления», а потому определяют временные рамки существования личности преступника с момента совершения преступления и до момента отбывания наказания, а не до момента констатации исправления. Мотивируется это тем, что после отбытия наказания человек уже не преступник,

а потому не может рассматриваться, как личность преступника, даже если его исправление вообще не наступит. В последнем случае надо говорить не о личности преступника, а о личности, представляющей общественную опасность.

Данная позиция представляется очень спорной по следующим причинам:

- Смешиваются два разных по содержанию и смысловому значению понятия – «личность преступника» (криминологическое, более широкое понятие) и «субъект преступления» (уголовно-правовое, более узкое по содержанию).
- В результате произведённого смешения предлагается введение третьего понятия – «личность, представляющая общественную опасность», которая, станет синонимом сохранившей общественную опасность личности преступника, отбывшего меру наказания.
- Поскольку новое название, обозначает всё ту же сохранившую общественную опасность личность преступника, то оно, ничего не меняя по существу, только усложняет и без того сложную терминологию разных отраслей права и теоретических наук, касающихся лица, совершившего преступление.
- Поскольку термины «личность преступника» и «преступник» не носят нормативного характера и не создают никаких правовых последствий для их носителя, предлагаемое усложнение не имеет ни теоретического, ни практического, ни даже формального смысла.

Напротив, ключевым вопросом является чёткое определение понятия личности преступника, причём не с целью подмены его другим термином, а для отграничения от смежных понятий. Большинство ученых подразумевают, что личность преступника – это свойство, присущее всем лицам, совершившим преступления. Но имеется и иное понимание, при котором понятие личности преступника не является свойством любых лиц, совершивших преступление, а охватывает лишь определенную их часть.

Одним из первых авторов, высказавшим такое мнение почти полвека назад, стал ныне доктор юридических наук, профессор и признанный мэтр адвокатуры Г.М. Резник: «О личности преступника можно говорить лишь применительно к весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступлений стало основной, ведущей деятельностью» [15, с. 29]. Обосновывая такую позицию, Г.М. Резник замечает: «Особо следует подчеркнуть, что ни на одном уровне — социологическом, социально-психологическом, индивидуально-психологическом — не существует ни одного фактора (личностного свойства), позволяющего однозначно прогнозировать совершение (как, впрочем, и несовершение) преступления конкретным индивидом. Более того, никто не вправе рассматривать отдельное лицо как «личность преступника» («криминогенную личность») при сколь угодно большом сочетании негативных личностных и ситуационных характеристик, хотя, разумеется, вероятность преступного поведения может быть очень высокой» [16, С. 30].

Данная позиция менее популярна среди научного сообщества, хотя совершенно очевидно, что разнообразие лиц, преступивших уголовный закон и имеющих множество уголовно-правовых, криминологических, психологических и т.п. классификационных групп, не позволяет объединить их единым общим понятием «личность преступника». Впечатления от приведённых выше неформализованных интервью эту мысль подтверждают.

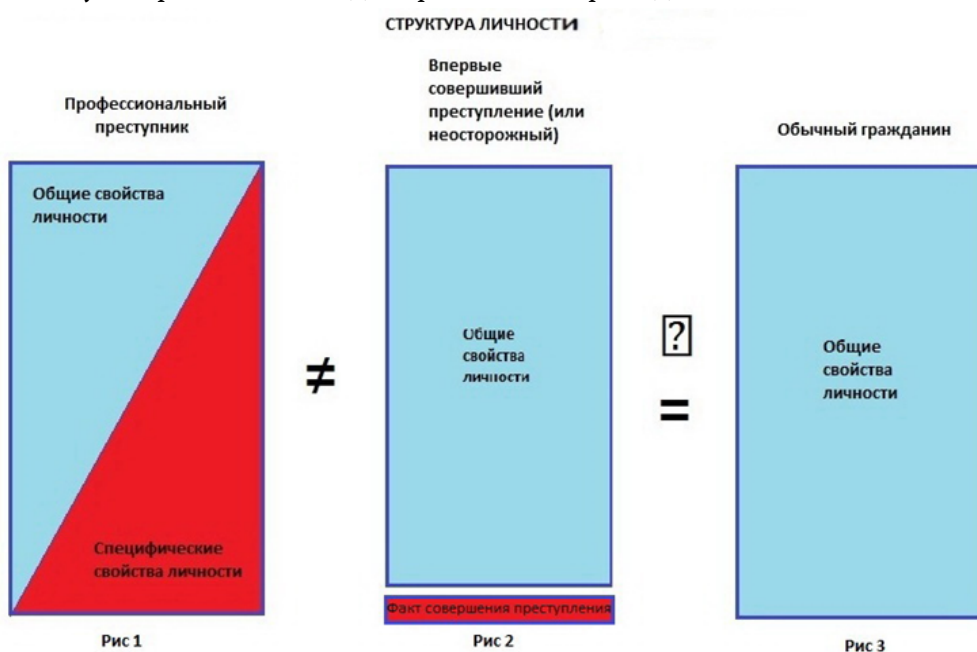
Рассмотрев наиболее популярные и принятые в научной среде понятия типов личности преступника, можно сделать вывод, что одним термином обозначают и случайного, и ситуативного, и злостного, и особо злостного преступника,

лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести и особо опасного рецидивиста.

Правильно ли это? Допустимо ли объединять в одну группу совершенно разных по индивидуальным свойствам людей, имеющих единственный общий признак – совершение преступления? Если объединяет этих людей только нарушение уголовного закона, а не свойства личности, то их надлежит называть «лицами, совершившими преступление», в обыденной жизни их чаще обозначают неправовым, но широко распространённым термином «преступник». Со свойствами личности тоже не всё просто.

Как уже отмечалось, структура личности преступника включает в себя как общие (социально-демографические, психологические и т.п.) признаки, так и специфические, присущие только преступникам (наличие и характер судимостей, умения и навыки совершения преступлений и избегания ответственности за них, положение на иерархической лестнице криминального мира и т.п.). Но у большинства лиц, совершивших преступления, специфические криминальные свойства личности отсутствуют. Получается, что у этой категории «личность преступника» состоит только из общих признаков, как и у законопослушных граждан! В частности, случайные (неосторожные) преступники, лица, совершившие преступление под определяющим влиянием неблагоприятной жизненной ситуации (ситуативные), или действовавшие спонтанно при благоприятных к тому обстоятельствах (неустойчивые), или положительные под внезапным воздействием провоцирующих факторов и ряд других категорий, которые вряд ли обладают свойствами личности преступника! Ряд ученых с большей или меньшей степенью определённости с этим соглашаются: между людьми совершившими и не совершившими преступления, нет каких-либо отличающих качеств – единственный формальный показатель, который удаётся юридически определить далеко не у всех фактических преступников – виновная причастность к преступлению. А в совокупность свойств, характеризующих среднестатистическую личность преступника входят как общие, так и специфические свойства, обусловленные преступным деянием [17, с. 79].

Упомянутые различия смоделированы на приведённой схеме:

На рисунке 1 изображена структура личности профессионального преступника, состоящая как из общих свойств, характерным для любого человека: биологических, социально-демографических, социально-психологических, нравственно-психологических и т.п.; так и из специфических, которые с известной долей условности называют уголовно-правовыми: наличие и характер судимости, умение и навыки совершения преступлений плюс опыт избежания ответственности за них, наличие тесных связей в криминальной среде и занятие определённого положения на иерархической лестнице социально-негативной среды, знание жаргона, «законов» и обычаев криминального мира и следование им. К этой категории относятся единицы из первой группы неформально проинтервьюированных лиц («стигматизированные»), две трети «авторитетных бизнесменов» (даже при отсутствии судимости) и практически все «уголовные» типы.

На рисунке 2 показана структура лица, совершившего преступление, но не обладающего специфическими свойствами, а следовательно, не тождественная сущностному содержанию профессионального преступника, которое, собственно и образует квинтэссенцию личности преступника. Вместе с тем, она не тождественна и личности законопослушного гражданина (рис.3), хотя вроде бы с ней и почти совпадает, но за одним исключением: у неё имеется единственный формальный показатель - виновная причастность к преступлению, хотя, как отмечалось выше, её удаётся определить далеко не у всех фактических преступников. К этому типу личности относится большинство «стигматизированных», одна треть «авторитетных бизнесменов», «уголовные» типы в ней могут быть представлены единицами или вообще отсутствовать. (Следует иметь в виду, что цель настоящей статьи обозначить постановку проблемы, в связи с чем приводимые данные носят субъективно-оценочный характер. – Д.К.)

В связи с вышеизложенным неизбежно встаёт вопрос: какие именно общие черты обуславливают совершение преступлений лицами, не обладающими специфическими свойствами личности преступника (а такой факт, думается, надо признать, так же, как избавиться от представлений о повышенной тревожности и неуверенности в себе, свойственных преступникам).

Представляется, что как правило, преступление совершается в результате взаимодействия личностных свойств и качеств, присущих всем людям, каждое из которых, само по себе не является криминогенным, но в особых условиях они начинают взаимодействовать между собой, образуя некое качественно новое, криминогенно опасное психоэмоциональное образование, и вдобавок вызывают в организме физиологические изменения: в крови повышается уровень адреналина, кортизола, тестостерона, выделяются нейромедиаторы головного мозга (эндорфины, пептиды и др.)

Гиперболизированным, зато образным сравнением может служить кастрюля с водой, которая не представляет никакой угрозы и не способна причинить кому-либо вред, но доведённая до кипения, приобретает другое качество и известно, что в бытовых конфликтах ею причинялись тяжёлые и даже смертельные увечья. Но остыв, кипяток возвращается в то же самое состояние обычной воды.

Другое дело, когда свойства личности имеют криминальный характер: профессиональный преступник, обладающий специфическими свойствами криминальной личности – уже аналог сосуда, только не с водой, а с кислотой, в любую минуту готовой к вредоносному употреблению.

Выводы и предложения:

- Эволюция учения о личности преступника явно отстаёт от современной нормальности.
- В частности, оно оторвано от практики, в связи с чем содержит неправильные воззрения как на понятие личности преступника, так и на методики профилактической работы.
- Например, личность преступника вовсе не отличается повышенной тревожностью и неуверенностью в себе, и не все лица, совершившие преступления обладают свойствами личности преступника.
- Биологические свойства личности не учитываются надлежащим образом при изучении детерминант преступного поведения.
- Декриминализация вроде бы малозначительных преступлений (побоев, причинения лёгкого вреда здоровью, циничных оскорбительных действий, опускающих социальный статус лица), как правило, предшествующих совершению тяжких преступлений против личности, способствует развитию и закреплению антиобщественной установки личности виновного.

Вышеизложенное требует изменения подходов к изучению личности преступника и лиц, совершивших преступления, с целью разработки новой стратегии и тактики предупредительно-профилактической работы.

Библиографический список:

1. Криминология: учебник: 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Кудрявцева В. Н. и Эминова В. Е. – М.: Юрист, 2000. с. 131.
2. Сергеев Д.Н. Криминолог вокруг света. – Екатеринбург: SAPIENTIA, 2022. с. 167.
3. Криминология: учебник для юрид. фак. и интов / отв. ред. Герцензон А., Звирбуль В. К., Зотов Б. Л. и др. – М.: Юрид. лит., 1968, с.138.
4. Криминология: учебник / отв. ред. Коробейникова Б.В., Кузнецовой Н.Ф., Миньковского Г.М. – М.: Юрид. лит., 1988. с. 87.
5. Криминология: учеб. для юрид. вузов: для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Бурлакова В. Н. и др. - СПб.: Лань, 1999. с. 607.
6. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. – М.: Щит-М, 2000. С. 83-86.
7. Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / ред. Кудрявцева В. Н. и Эминова В. Е. - М., ЮНИТИ- ДАНА, 2007. С. 104-107.
8. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие для вузов. - М.: Изд. дом «Форум»: ИНФРА-М, 1998. с. 37-38.
9. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. – М.: Наука, 2002. с. 40.
10. Гилнский Я.И. Криминология: курс лекций. - СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2002. с. 89.
11. Антонян Ю.М. Отчуждение личности как причина преступности // Общество и право. 2022. № 2. с. 8.
12. Криминология: учебник / отв. ред. Кудрявцев В. Н. и Эминов В.Е. - М.: Юрист, 1977. с. 80.

References:

1. Kudryavtseva V. N., Eminova V. E. (ed.) (2000). Criminology. Moscow: Lawyer. p. 131
2. Sergeev D.N. (2022). Criminologist around the world. Yekaterinburg: SAPIENTIA. p. 167
3. Herzenzon A., Zvirbul V. K., Zotov B. L. (ed.) (1968). Criminology. Moscow: Legal lit. p.138
4. Korobeynikova B.V., Kuznetsova N.F., Minkovsky G.M. (ed.) (1988). Criminology. Moscow: Legal lit. p. 87
5. Burlakova V. N. (ed.) (1999). Criminology. St. Petersburg: Lan. p. 607.
6. Alekseev A.I. (2000). Criminology: a course of lectures. Moscow: Shield-M. pp. 83-86
7. Kudryavtseva V. N., Eminova V. E. (ed.) (2007). Criminology. Moscow: UNITY-DANA. pp. 104-107
8. Kudryavtsev V.N. (1998). The genesis of the crime. The experience of criminological modeling: studies. handbook for universities. Moscow: Publishing house «Forum»: INFRA-M. pp. 37-38
9. Kudryavtsev V.N. (2002). Selected works on social sciences: in 3 volumes. Moscow: Nauka. p. 40
10. Gilinsky Ya. I. (2002). Criminology: a course of lectures. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House. p. 89
11. Antonyan Yu.M. (2022). Alienation of personality as a cause of crime. Society and law. 2. p. 8
12. Kudryavtsev V. N., Eminov V.E. (ed.) (1977). Criminology. Moscow: Lawyer. p. 80
13. Koretsky D.A., Khalyava O.V. (2022). Personality of the criminal: terminological and essential problems. Ural Journal of Legal Research. 3. pp. 36-42
14. Sakharov A.V. (1981). On the identity of the criminal and the causes of crime. Moscow: Gosyurizdat. p. 234

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

13. *Корецкий Д.А., Халява О.В.* Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 36-42.
14. *Сахаров А.В.* О Личности преступника и причинах преступности. М.: Госюриздат, 1981. С. 234.
15. *Резник Г.М.* Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1979. № 31. с.29.
16. *Резник Г.М.* Личность преступника: правовое и криминологическое содержание // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы. 1979. № 1. С. 30.
17. Криминология: словарь: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Бурлаков В. Н. МВД России. С.- Петерб. ун-т. С.-Петербург. ун-т: Лань,1999. с.79.
15. *Reznik G.M.* (1979). Criminological prevention and social planning. Issues of combating crime. 31. p. 29
16. *Reznik G.M.* (1979). Personality of a criminal: legal and criminological content. Personality of a criminal and criminal liability. Legal and criminological issues. 1. p. 30
17. *Burlakov V. N.* (ed.) (1999). Criminology: dictionary: textbook. St. Petersburg University: Lan. p.79